

ЛИТЕРАТУРА ПОЗДНЕГО НАРОДНИЧЕСТВА И КРИТИКА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА*

Михайлова М. В. **

Аннотация

В статье дается характеристика произведений писателей-народников, написание и публикация которых совпали с кризисом этого идейного течения как общественной доктрины. Внимание сосредоточено на таких художниках, как А. И. Эртель, Н. Н. Златовратский, П. В. Засодимский, В. П. Быстренин, П. Я. Якубович, Г. И. Успенский и др. Анализируется восприятие их творчества в народнической среде и критике марксистской ориентации. Приводятся редко цитируемые высказывания исповедовавшего меньшевистские взгляды А. Н. Потресова и занимавшего особую политическую позицию Л. Троцкого.

Ключевые слова: народничество, идейный кризис, рецепция творчества, мировоззрение, метод, трудовое крестьянство.

* 本文 2010 年 10 月 15 日到稿，2010 年 12 月 7 日審查通過。

** Академик, Российская Академия естественных наук (РАЕН).

The Late Russian Populist Literature and Criticism of the End of 19th — the Beginning of 20th Century*

Mikhailova M. V.

Abstract

The article characterizes the Russian populists' late works which were written and published when this ideological movement and social doctrine was in deep crisis. The article focuses on such authors as A. I. Ertel, N. N. Zlatovratsky, P. V. Zasodimsky, V. P. Bystrenin, P. J. Jakubovitch, G. I. Uspensky and others. The interpretation of their works by Russian populist community and Marxist criticism is analyzed. The article includes rare quotes by A. N. Potresov who shared Menshevist position and by L. Trotsky with his own political views.

Key words: populism, ideological crisis, reception creativity, world outlook, method, working peasantry.

* Received: October 15, 2010; Accepted: December 7, 2010.

К середине 1890-х годов «крестьянский социализм», как именовали народническую доктрину, все более обнаруживает свою несостоятельность. Во взглядах народников начинают преобладать либеральные, реформаторские настроения, все большую поддержку получают не революционный пыл, а проповедь «малых дел». Революционная готовность перемещается в среду социал-революционеров, террористическими актами стремящихся взорвать спокойствие страны.

При оценке исторического процесса народники придерживались этических критериев: поскольку капитализм с моральной точки зрения не выдерживает никакой критики, он не должен быть «допущен» в Россию. Им казалось, что их субъективные желания, воля, порыв к справедливости, разумность и обоснованность критики – достаточные основания для того, чтобы помещать шествию капитализма. Поэтому всеми силами в своей публицистической и литературно-критической деятельности они старались не дать «возлюбить» капитализм, который, как они считали, приближают марксисты, покоряясь ими выдуманым историческим закономерностям, историческому фатуму. В марксизме их пугало по сути игнорирование роли личности в истории, которая может проявлять свою самостоятельность, только подчиняясь единопавленному историческому потоку.

Поэтому существо общественной жизни 1890-х годов определила борьба марксистов с народниками, где каждая из сторон выдвинула своих лидеров. От имени марксистов выступили В. Ленин, А. Потресов, П. Струве. «Партию» народников возглавил Н. Михайловский.

Но если народничество как социально-политическая доктрина терпела поражение в этих столкновениях (в литературе это нашло широкое отражение в повестях В. Вересаева, Е. Чирикова, В. Тана и др.), то как этическое настроение оно

продолжало оказывать значительное влияние на русскую литературу. И даже идейный кризис, тяжело переживаемый многими представителями народничества, не заставил их отказаться от своих взглядов, хотя настроение растерянности отныне сопровождает почти все их начинания.

Так, Александр Иванович Эртель (1855-1908), автор замечательного романа «Гарденины, их дворня, друзья и враги», получившего высокую оценку Л. Толстого, в 1890-е гг. создает произведение, отражающее слом народнической интеллигенции – «Смена» (1891). В это же время он пытается разобраться в движении «русских учеников» Маркса в романе «Карьера Струкова» (1896). Но, почувствовав свою беспомощность в решении «роковых» общественных вопросов, предпочитает отказаться от занятия литературой вообще. Разочаровавшись в народничестве, а в марксизме увидев только «хозяйственную систему, лишенную идеального начала», потеряв надежду на осуществление перемен с помощью крестьянской общины, он стыдится отныне «прибавлять к комедии и предательству жизни комедию и предательство литературных упражнений»¹.

По его убеждению, главная беда народников заключается в том, что ими утрачена цельность мировоззрения, что не позволяет им дать в литературных произведениях целостную концепцию действительности. Этот пессимизм в его взглядах был связан с тем, что, по его мнению, задачей искусства должен был быть «подъем жизнедействующего начала», «раскрытие» перед людьми «горизонтов»². Сейчас же в народничестве осталось одно «настроение». И хотя оно является и «влиятельной, и хорошей силой» по-прежнему, но питающая его доктрина «решительно не выдерживает критики»³.

¹ Письма А.И.Эртеля. М., 1909. С. 348.

² Там же. С. 207.

³ Там же. С. 243.

Кроме того, «размашисто талантливых людей», как называл народников Горький, невозможно было ограничить рамками народнической философии и социологии, потому что их творчество так или иначе отражало «настроения, чувства, думы всей русской демократии»⁴. И все же некогда мощная плеяда писателей-народников заметно поредела к началу XX века и уже не являлась той значительной литературной группой, какой она была за двадцать лет до этого, и уже не определяла духовную атмосферу эпохи. Хотя Бунин в своих воспоминаниях отмечал, что, когда он приехал в середине 1890-х годов в Петербург, среди влиятельных знакомых была и группа писателей, возглавляемая народником Н. Златовратским.

Эта группа в литературных кругах получила название «сентиментального народничества» и чаще других подвергалась сокрушительной критике. Особенно в этом отношении преуспел критик журнала «Мир Божий» А. И. Богданович, сделавший разгром народничества для себя первоочередной литературной задачей (а именно так он понимал воспроизведение марксистской методологии в критических построениях!). К этой группе могут быть отнесены Ф. Д. Нефедов, Н. И. Наумов, Н. Н. Златовратский, П. В. Засодимский. Их творчество в целом характеризует настроение усталости, глубокого разочарования во всем, христиански-моралистическая тенденция, сентиментально-религиозные покаянные настроения. В их произведениях идеализируются религиозность и суеверия крестьян. А их самих не покидает тревога по поводу «роковых» процессов жизни.

Слава еще сопутствовала Николаю Николаевичу Златовратскому (1845-1911), но его творческая активность и главные произведения уже были позади. В них – роман «Устои» (1878-1883), повести «Золотые сердца», «Боярская дочь» (обе

⁴ Горький М. Собр. соч. в 30-ти томах. Т.24., М., 1953. С. 65.

-1883), «Безумец» (1887) – писатель разрабатывал постоянно волновавшие его темы: о месте интеллигенции борьбе за народное счастье, о преодолении пропасти между нею и крестьянством, о путях развития России. С наибольшей остротой противоречия народнического мирозерцания отразились в романе «Устой». Критическое отношение «правоверного» народника к основам деревенской жизни отметил даже Н. К. Михайловский, написавший, что Златовратский хотел бы быть «апологетом» общинных основ, но на самом деле предстает «правдивым летописцем их разложения»⁵. Писатель очень тяжело переживал «кризис веры». Большую поддержку оказал ему в это время Л. Н. Толстой, с которым он познакомился в 1883 г. Толстому он посвятил рассказ «Мои видения», а в связи с 80-летием великого русского писателя написал воспоминания «Два слова» и статью «Великие заветы».

Златовратскому не был чужд интерес к теме рабочего класса. Труд ремесленников и кустарей он описал в очерке «Город рабочих» и рассказе «Мечтатели» (1893). Он даже с воодушевлением встретил революцию 1905 года, приветствовал пролетариат и с его приходом к власти связывал «воплощение Царства Божия на земле»⁶. Однако навсегда осталось у писателя преклонение перед мужицкой правдой, что позволило критику-народнику М.Протопопову статью о нем озаглавить «Последовательный народник». Горький же отзывался о нем как о «сладкоголосом обманщике», написавшем, однако, высоко ценимое им произведение – роман «Устой». Следует указать, что его произведения в течение 25 лет (с 1884 года) были запрещены к обращению в публичных и народных библиотеках. В последние годы жизни он работал над литературными воспоминаниями, воспоминаниями о детстве, сотрудничал в детских и

⁵ Михайловский Н. К. Отклики. Т. 2. СПб., 1904. С. 186.

⁶ См. его статью «Три легенды».

педагогических журналах, выступал с критическими статьями и заметками, активно помогал начинающим писателям. Его заслуги перед отечественной словесностью были отмечены в 1909 году, когда он был избран почетным академиком Академии наук по разделу изящной словесности. Однако он уже воспринимался как писатель, отживший свое и сказавший свое последнее слово, чему мы находим подтверждение в словах хорошо его знавшего Скитальца (Петрова): он «жил никому не нужный и не интересный, несправедливо оставленный той самой публикой, которая еще так недавно преклонялась перед ним и переживала пафос при одном его появлении на эстраде»⁷.

И все же расслоение деревни приковывает к себе внимание писателей, находящихся в сфере влияния народнической идеологии. К таким можно отнести Владимира Порфирьевича Быстренина (1856-1926), в 1897 году выпустившего книгу «Житейские были», на которую отозвался Г.В.Плеханов, похваливший автора за то, что он обратился к «интересному нравственному явлению, внесенному в нашу крестьянскую среду [...] так называемым расслоением деревенского населения по различным степеням зажиточности»⁸. Но, на взгляд критика-марксиста, писателю не удалось убедительно показать это расслоение именно потому, что он не освободился от народнических предрассудков. Критику, конечно, хотелось, чтобы писатель акцентировал закономерность указанного явления. И тогда критик мог бы сделать вывод: русская беллетристика, изображающая народную жизнь, постепенно освобождается от народнических упований, начинает видеть в подлинном свете «явления, которые мало-помалу совершат переворот в психологии нашей трудящейся массы»⁹, т.е. процесс капитализации. Но

⁷ Скиталец . Светлые лучи любви. Повести. Рассказы. Воспоминания. М., 1989. С. 555.

⁸ Плеханов Г. В. Искусство и литература. М., 1948. С. 620.

⁹ Там же.

освобождение шло медленно и трудно – тем более что народников отталкивала прагматичность марксистской доктрины, и очень немногие были склонны к объективной оценке нового течения общественной мысли.

Тем более, что и сами критики, составившие впоследствии марксистский критический лагерь, не сразу были склонны к полнейшему «переключению» на новые рельсы. Показательна в этом отношении статья Г. В. Плеханова «Об чем спор?» (1878), написанная тогда, когда он еще исповедовал народническую идеологию. Поводом к написанию статьи послужила полемика в прессе по поводу очерков Г. И. Успенского. Сравнивая отношение Златовратского и Успенского к развитию капитализма в русской деревне, Плеханов принимает сторону первого, разделяя его оптимистический взгляд на общину и «мирскую солидарность» деревни, и критикует второго за ложные умозаключения, возникшие, как считает критик, из-за незнания жизни крестьян, которым он приписал взгляды городских мещан и рабочих. Зато когда Плеханов становится марксистом, творчество этого художника получает совершенно иную трактовку в статье 1888 года «Г. И. Успенский».

Наибольшую известность Павлу Владимировичу Засодимскому (1843-1912) обеспечила «Хроника села Смурина». Показательно, что об этом произведении напомнила газета «Правда», обращавшаяся в первую очередь к рабочей аудитории. Однако все же главным произведением писателя стал роман «Грех» (1893), в котором явно прочитывается увлечение толстовской идеей нравственного возрождения человека. В романе дан идеал общинной жизни – затерянная в лесах волость Никольщина. Вековечный крестьянский труд возведен Засодимским в особую добродетель. В этом романе автор отрабатывает уже использованную им в «Хронике села Смурина» сюжетную схему – сопоставление и противопоставление двух типов русского человека. Но здесь эта схема значительно осложнена:

нравственность человека уже не объявляется производной от его желания трудиться. И жадное трудолюбие Григория Петрова приводит его к душевной черствости, в то время как духовным богатством наделяется Прокопий Васильев – мужик без царя в голове, сельский философ и бездельник. Труд, таким образом, уже не объявляется панацеей от всех бед, не обеспечивает сохранения нравственности. Засодимский обнаруживает даже возможность порабощения человека трудом, потерю им при этом человеческого лица – то, что с такой силой будет воспроизведено впоследствии М. Горьким в образе сапожника Клеща в пьесе «На дне». Но в художественной структуре романа превалирует дидактическая тенденция: несколько слов о добре способны исправить злодея: как известно, моралистический тон главенствовал в народнической литературе.

Кризис народнической веры был воспринят писателем как крушение основ, что усилило покаянную ноту в его произведениях. Однако свои сомнения в правде народничества он толкует как измену. Сам он хочет продолжать верить в незыблемость крестьянской общины, хотя живо интересуется и новейшими экономическими теориями, что открыло ему двери журнала «Научное обозрение» (1898-1903), который на своих страницах активно пропагандировал марксизм (его редактор М. М. Филиппов с интересом воспринял учение Маркса и стал его адептом). Еще более активизирует его негативные настроения нарастание революционной ситуации в России. Он пишет в редакцию консервативной газеты «Новое время» гневное письмо, в котором резко критикует правительство, а в статье «В наши дни» (впервые была опубликована только в 1922 году) рисует страшные картины расправы над восставшим народом.

«Грехи» sentimentalного народничества отчетливо дают себя знать в творчестве Филиппа Диомидовича Нефедова (1838-1902) Этого писателя на протяжении всего творческого пути привлекал романтизированный народный

характер. Его герои, например, в рассказах «Чудесник Варнава» «Стеня Дубков» (оба - 1898) сверх всякой меры наделены добродетельными качествами. Первый, не страшась кары, правда, только в пьяном состоянии ругает богачей (позже вариацию такого типа представит И. С. Шмелев в повести «Гражданин Уклейкин»), второй – ловит воров, помогает бедным, «учит» урядника. Все это выглядит несколько приглаженно и сусально. Но то, что смахивало на явную идеализацию русских деревенских нравов, удачно вписалось в романтическую поэтику башкирского фольклора, к которому обратился писатель, создавая свои легенды. Писатель всю жизнь занимался собиранием устного народного творчества: участвовал в экспедициях по Волге и в Башкирию, изучал этнографию, антропологию, ездил на раскопки. И башкирские страницы Нефедова («Тайна реки», 1894, «Ушкуль», 1895, «Зигда», 1898 и др.) раскрывают возвышенные чувства народных борцов за свободу, поэтизируют переполняющие их душу стремления. Его повести-легенды по жанру близки романтическим произведениям М. Горького 1890-х годов, а художественные типы в них могут трактоваться расширительно – как символы угнетения или борьбы против него. Правда, Горький выделил в его наследии критическую струю, поставив его имя в один ряд с именами беллетристов-шестидесятников Н. В. Успенского, Ф. М. Решетникова, В. А. Слепцова, А. И. Левитова. Но это замечание может быть отнесено в полной мере лишь к начальному этапу творчества писателя.

В 1890-е годы в сознании писателей-народников превалирует романтическая струя. В этом духе создают свои произведения П. Ф. Якубович, Г. А. Мачтет. Прозаики и поэты революционного подполья, обращаясь к прошлому, воспевали романтику революционной борьбы. Однако изменения, произошедшие в общественной жизни, потеря народниками ведущей роли в освободительном движении, усилили трагическое звучание их произведений.

Григорий Александрович Мачтет (1852-1901) делает попытку раскрыть «золотые сердца» отвергнутых обществом людей, нарисовать образ политического ссыльного в повести «В тундре и тайге» (1891). Для Мачтета «один в поле воин» всегда! Так назывался его роман 1886 года, пользовавшийся необыкновенной популярностью – он призван был опровергнуть, будучи полемичным даже по названию, зародившиеся в передовых кругах общества настроения упадка и отчаяния, отразившиеся в романе немецкого писателя Ф. Шпильгагена «Один в поле не воин» (1866). Также навсегда вписало имя Мачтета в память потомков стихотворение «Последнее прости», посвященное замученному в остроге студенту. Оно под названием «Замучен тяжёлой неволей» стало любимейшей революционной песней. По убеждению Мачтета, «нечеловечески величественные деяния» героической природы не пропадут даром. И проповедуемый писателем в литературном творчестве культ героических порывов и героических подвигов призван был подтвердить жизненность народнической идеи о толпе, ведомой вперед героями.

По-прежнему воодушевлен благородными чувствами герой поэзии Петра Филипповича Якубовича-Мельшина (1960-1911), хотя поэт и вынужден признать, что люди, некогда исповедовавшие революционные идеалы, измельчали. Призыв к борьбе, теперь в его стихах выражаемый чаще всего с помощью «общих мест», тем не менее, сохраняет для автора свою привлекательность. По выражению одного из его современников, критика-марксиста В. М. Шулятикова, Якубович-Мельшин был «запоздалым народником», однако, даже находясь в составе редакции народнического журнала «Русское богатство», он воздерживался от нападок на марксизм, чувствуя в нем приходящее на смену идейное течение. Возможно, поэтому и представители марксистских взглядов относились к нему с огромным почтением, чувствуя его искренность и героически-жертвенный настрой. Так, он

остался одним из самых любимых поэтов для марксиста А. Н. Потресова, который признавал, что, хотя его стихотворения «не блещут особенными поэтическими достоинствами»¹⁰, зато они являются лучшим «памятником величайшей трагедии», пережитой русской революционной интеллигенцией, «симфонией коллективности». А возникает это потому, что поэт сумел раскрыть «красоту общественной личности», обогащающейся в процессе «самоотречения, отдания себя на служение общественному целому»¹¹.

Наибольшую степень расхождения между народнической теорией и наблюдениями над реальной жизнью продемонстрировали в своем творчестве Николай Елпидифорович Каронин-Петропавловский (1853-1892) и Глеб Иванович Успенский (1843-1902). Они успели заметить и отразить в своих произведениях и разложение крестьянской общины, и люмпенизацию или вливание в ряды пролетариев беднеющей крестьянской массы. В последних повестях и рассказах Каронина – «Снизу вверх» (1886), «На границе человека» (1889), «Борская колония» (1890) – воспроизводятся «путаница и хаос» деревенской жизни. Беспочвенность народнической веры убедительно раскрывают метания и сомнения рисуемого автором героя-интеллигента. Опровержением народнических иллюзий служат выводимые писателем типы – такие, как Михайло Лунин из рассказа «Снизу вверх», нашедший единственный способ противостоять «идиотизму деревенской жизни» – изо всех сил карабкаться «наверх» – к сознательному сопротивлению. Как заметил Г. В. Плеханов, такие люди, как Лунин, призваны «колебать» основы. И хотя естественно, что критик-марксист не мог обнаружить в этом герое признаков «той новой исторической силы, которая освободит со

¹⁰ Потресов А. Н. (Старовер). О разночинце-скитальце // Этюды о русской интеллигенции. СПб. 1906. С. 110

¹¹ Потресов А. Н. П. Ф. Якубович // Наша заря. 1911. № 4. С. 80, 83.

временем *все* трудящееся население страны»¹² (так он эвфемистически вынужден был назвать пролетариат), все же появление на страницах народнической беллетристики такого выходца из деревни было весьма знаменательно. И неслучайно, что одновременно критик-народник А. М. Скабичевский поспешил признать эту фигуру неубедительной в художественном плане, слишком фантастической и нереальной.

Убывание «власти земли» и замену ее «властью денег», т.е. проникновение капиталистических отношений во все поры крестьянской экономики с трагической беспощадностью рисовал Глеб Иванович Успенский (1843-1902) в очерках «Крестьяне-богатеи», «Плачевные времена» (оба – 1891), «Что-то будет дальше» (1892). Логика реалистического отражения действительности подрывала и опровергала «стройность» народнических воззрений Глеба Успенского. По выражению Плеханова, он своими последними произведениями подписал «смертный приговор народничеству»¹³. Очерки Успенского, посвященные голоду 1891-1892 годов, доказывают последнюю степень истощения крестьянских хозяйств. И хотя народнические представления так до конца и не были изжиты писателем, но страстные поиски ответов на мучительные вопросы о судьбе русского крестьянства, сам способ повествования, выработанный Успенским: сочетание лирической взволнованности с документальной фактологичностью и сухостью приводимых статистических данных – оказали огромное воздействие на всю последующую литературу, поднимавшую «крестьянский вопрос». Это качество в критике было охарактеризовано следующим образом: «[...] рядом с плодом художественной интуиции, возвышающимся до степени строго научного обобщения, стоит аналитическим путем добытый публицистический вывод,

¹² Плеханов Г. В. Искусство и литература. М. 1948. С. 593.

¹³ Плеханов Г. В. Искусство и литература. С. 532.

получающий немедленное художественное воплощение»¹⁴. Воздействие его выводов и наблюдений ощущается в документальном повествовании Н. Г. Гарина-Михайловского «Несколько лет в деревне». И «общественную драму русского интеллигента», по мнению А. Н. Потресова (критик имел в виду разочарование в крестьянстве) наилучшим образом воссоздали именно Златовратский и Успенский, для которого размышления над горькой участью народа стали источником психического заболевания, заставившего писателя последние 10 лет своей жизни находиться в лечебнице.

Высочайшую оценку его деятельности дал Л. Троцкий, в 1902 году напечатавший две статьи о писателе. Критик отметил, что его «глубокие мысли и гениально-смелые обобщения» еще подлежат «усвоению и развитию»¹⁵. Он даже был убежден, что в эпоху «литературной смуты» (выражение Н. К. Михайловского для обозначения «атаки» марксистов на общественную мысль и декадентов на поэзию) только «один Успенский не был снесен всепожирающим потоком новых общественных настроений и отражающих их литературных течений»¹⁶. Критик даже считал, что «истинный смысл и непреходящее значение»¹⁷ его наследия может выявить только марксизм.

Писателям народнической ориентации посвятил цикл статей «Наши беллетристы-народники» Г. В. Плеханов. В него вместе со статьей об Успенском вошли статьи «С. Каронин» (1890) и «Н. И. Наумов» (1897). И все вместе они отразили эволюцию народнической литературы. Согласно трактовке Плеханова, Николай Иванович Наумов (1838-1901) представляет собой поколение правоверных народников семидесятых годов, творчество Успенского – это

¹⁴ Троцкий Лев. Соч. Т. XX. М.-Л., 1926. С. 44.

¹⁵ Там же. С. 33.

¹⁶ Там же. С. 41.

¹⁷ Там же. С. 43.

творчество «народника-классика», «беспристрастного исследователя» народной жизни, произведения же Каронина-Петропавловского, т.к. этот писатель сумел создать образ рабочего, становятся показателем «робкого, почти бессознательного» зарождения новых тенденций в народнической литературе. Но главное противоречие народнической беллетристики заключалось, на взгляд критика, в несогласованности мировоззрения писателя и его художественных наблюдений, которые опровергали все основные положения народнической доктрины, тем самым обуславливали реализм письма. Но этот реализм был неосознанным и непоследовательным.

И все же на основании анализа творчества писателей-народников можно утверждать, что столкновение народнических взглядов и непосредственного жизненного опыта по большей части приводило к победе последнего. Писатели-народники, по словам М. Горького, «умели встать над политикой» (т.е. требованиями народнической идеологии), не подчинялись «ей рабски»¹⁸. Эту же мысль ранее него высказал Л. Троцкий, указав на Г. Успенского как на «рыцаря духа, по рукам и ногам опутанного сетями ложной общественной теории», но сумевшего «завоевать себе широкую свободу и в этих сетях»¹⁹. И следует признать в целом, что «народничество как литературное течение» стремилось к «исследованию и правильному истолкованию народной жизни». И несмотря на то, что «художественные достоинства произведений [...] народников-беллетристов» часто приносились «в жертву»²⁰ исповедуемому ими учению, эти произведения остаются незабываемым свидетельством ломки общественного сознания,

¹⁸ Горький М. Собр. соч. в 30-ти томах. Т.24. С. 65.

¹⁹ Троцкий Лев. Соч. Т. XX. С. 43.

²⁰ Плеханов Г. В. Искусство и литература. С. 532.

происходящего в стране, которая решается на перестройку всех своих общественных институтов..

Литература

- Богданович А. Годы перелома. 1895-1906. СПб., 1908 (статьи «"Народ" в нашей "народнической" литературе»; «Н. И. Златовратский»; «Эпигоны народничества» (г. Меньшиков, самый яркий представитель их; Народник старого типа: Н. Е. Петропавловский-Каронин; «Памяти Н. К. Михайловского»).
- Коновалов В. Н. Литературная критика народничества. Казань, 1978.
- Маевская Т. П. Романтические тенденции в русской прозе конца XIX в. –Киев, 1978.
- Петрова М. Г. Эстетика позднего народничества // Литературно-эстетические концепции в России конца XIX- начала XX в. М., 1975.
- Протопопов М. Критические статьи. М., 1902 (статьи «Последовательный народник» (Собр. Соч. Н. Златовратского); «Народник-идеалист» (Повести и рассказ Каронина).
- Русская литература XIX века. 1880-1890. Учебное пособие. М., 2006.
- Спасибенко А. Писатели народники. М., 1968.

